

Геннадий Зельдович
Uniwersytet Warszawski

ЛИРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ВЕЧНОСТЬ: «УДВОЕННОСТЬ» ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНОГО ДИСКУРСИВНОГО ПЛАНА

Lyrical Text and the Eternity: “Reduplication” of Time as a Foregrounding Marker

ABSTRACT: One of the crucial ontological contradictions is that between time and eternity, with artistic literature undertaking systematic attempts at its reconciliation, which implies a significant sophistication of the internal structure of time. The best-known example is intrigue in drama and narrative writing, where events tend to be united by cause-effect relationships, and after the resolution of the action its entire development can be viewed as directed, in some sense or other, both forwards and backwards. The present paper seeks to show that a comparable, if different, phenomenon can be observed also in lyrical poetry. In the general case, the part of speech specialized for conveying non-trivial aspectual meanings is the verb. However, in quite a few poems (ones written by Georgiy Ivanov, Osip Mandelstam, Boris Pasternak, Fernando Pessoa), a non-trivial aspectual structure must be assigned also to nouns, and this results in a kind of reduplication of time. Moreover, as the material under discussion suggests, this tends to happen in the foregrounded fragments of the text, hence, what we are facing here is an extremely unobvious and intricate grounding strategy appropriate to the lyrical genre.

KEYWORDS: lyrical poetry, time, eternity, aspectual structure, verb, noun, foregrounding.

1. Предисловие

Одной из самых трагических антиномий человеческого бытия является принципиальный разрыв между временем, в котором люди проживают жизнь, и вечностью – как своеобразным, говоря языком Блаженного Августина, «местом»,

где всякое время и всякий сущий во времени феномен соприсутствуют в неразсторжимом единстве и на равных началах¹. С другой стороны, даже если это противоречие не преодолимо вполне, то законны попытки его сгладить либо хотя бы замаскировать. По Полю Рикеру, такой попыткой систематически становится совершаемое в драме и в наррации построение интриги. Во-первых, она собирает в целое разные события и, соответственно, разные временные отрезки либо моменты. Во-вторых, наступающая в конце развязка и позволяет, и даже заставляет на все предшествующие действия посмотреть с новой точки зрения и этим как бы придает времени дополнительную обратную направленность, результатом чего оказывается его своеобразное удвоение, обретение им сразу и поступательной, и «попятной» природы, а столь усложненная структура в какой-то степени уподобляет сюжетное время вечности².

Разумно спросить, не происходит ли нечто сопоставимое и в лирической поэзии. Безусловно, она, как правило, лишена сюжетности в обычном понимании слова³, но по-другому вслушиваться в «шепотки бессмертия» умеет, кажется, даже настойчивее, чем драма и наррация.

Думаем, что ответ должен быть утвердительным, и тому видно по крайней мере две прямых причины⁴.

Первая в том, что иногда лирический текст, пускай и не обладая каноническим сюжетом, все-таки сообщает времени приблизительно ту же попятную направленность, какая возникает в драме и наррации, когда их интрига приходит к развязке. Например, подобным образом дело обстоит в следующем стихотворении Георгия В. Иванова:

---

¹ А. Августин, *Исповедь*, Москва 1991.

² См.: П. Рикер, *Время и рассказ*. Т. 1, Москва – Санкт-Петербург 1998.

Глубинное стремление нашего сознания усложнить и нюансировать субъективно воспринятое время проявляет себя и в многочисленных иных феноменах. Уже строя первоначальные, базовые модели времени, язык часто делает это сразу двумя принципиально несходными способами: трактует его и как линейное, и как циклическое (Е.С. Яковлева, *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, Москва 1994). Внутри каждой модели тоже существуют свои более тонкие разновидности; например, в пределах линейной прошедшее и будущее обладают далеко не одинаковой природой (K. Jaszczolt, *Representing Time: An Essay on Temporality as Modality*, Oxford 2009). Что же касается художественных произведений, то здесь время, в котором живет конкретный персонаж, не только может замедляться либо убыстряться в известных психологически достоверных пределах, но иногда по скорости бывает совершенно несопоставимым с временем других персонажей; см., например: А.Я. Гуревич, *Категории средневековой культуры*, Москва 1972.

³ См., например, содержательную работу: А.А. Чевтаев, *Структура лирической событийности: «Tristia» О. Мандельштама*, “Новый филологический вестник” 2013, № 1, с. 51-62. Из нее видно, сколь метафорическим становится понятие сюжета, когда прилагается к лирическому тексту.

⁴ Нетрудно найти и причины косвенные. Очень важная такая причина заключена в стремлении поэзии, налагая метрическую форму на речевой материал, их сразу и связать, и противопоставить, то есть тоже как бы удвоить время, в котором разворачивается текст; см.: Р.О. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 214-215 и др.

Голубая речка,
Зябкая волна, —
Времени утечка
Явственно слышна.

Голубая речка
Предлагает мне
Теплое местечко
На холодном дне⁵.

Две финальных строки, говоря о смерти, содержательно подобны окончательной, бесповоротной развязке драматического либо нарративного сюжета, а тем самым приглашают к ретроспективному взгляду на более ранние события (созерцание реки автором, получаемое от нее предложение и др.).

Впрочем, по своей жанровой природе лирическая поэзия слишком далеко отстоит от драмы и повествования, чтобы данная текстостроительная стратегия была особенно продуктивной.

С другой стороны, лирика располагает еще и иным способом «удваивать» время, который, судя по всему, используется намного чаще и который ею же самой и создан, а не заимствован у посторонних жанров.

Начнем с того, что если взять две главные части речи, глагол и существительное, и задаться вопросом, какая играет более заметную роль при структурировании текстового времени, то ответ будет очевиден: это глагол⁶. Во-первых, прототипический глагол обозначает «краткоживущую» сущность, то есть либо ограниченное четкими темпоральными рамками телическое (предельное) действие, либо действие моментальное⁷. Чем же заполняющие временной отрезок события быстрее совершаются, тем в общем случае тоньше нюансирована его внутренняя структура. Во-вторых и в тесной связи с первым, именно телические и моментальные глаголы формируют костяк практически всякого повествования, то есть текста, на развитие событий во времени специально ориентированного⁸.

Что же касается другой важнейшей части речи, существительного, то оно в обсуждаемом плане принципиально контрастирует с глаголом, ибо самое «об-

---

⁵ Здесь и ниже стихотворения Г.В. Иванова приводятся по изданию: Г.В. Иванов, *Собрание сочинений в трех томах*. Т. 1. *Стихотворения*, Москва 1994.

⁶ Также очевидным образом, свои важные функции отведены здесь и предлогам, и союзам, и наречиям, и паратаксису, но нас интересует только контраст между глаголом и существительным.

⁷ См. особенно: W. Croft, *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*, Chicago 1991.

⁸ См., среди огромного спектра литературы: P. Hopper, S. Thompson, *Transitivity in grammar and discourse*, "Language" 1980, vol. 56, № 2, p. 251-299; P. Hopper, S. Thompson (eds.), *Studies in Transitivity. Syntax and Semantics*, vol. 15, New York, etc. 1982; R. Longacre, *The Grammar of Discourse*, New York 1992; S. Fleischman, *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin 1990.

разцовое» существительное называет предмет либо живое существо, так что его референт по умолчанию обладает максимально продленным, а с чисто языковой точки зрения даже и вовсе не ограниченным по сроку бытием⁹. Иными словами, у существительного, так же, как и у глагола, имеется собственная аспектуальность – в том смысле, что бытие соответствующего референта приурочено к определенному времени, и времени этому свойственна определенная внутренняя структура, только в случае прототипических существительных она предельно упрощенная.

Поэтому в прототипическом случае из двух рассматриваемых нами центральных частей речи за возникновение в тексте прагматически интересных темпоральных отношений несет ответственность глагол, но не существительное.

Вместе с тем, как хорошо известно, лирическая поэзия часто склонна больше, чем на усредненное правило, ориентироваться на исключения, если и не возводя их в статус нормы, то по крайней мере сполна проявляя их смылосозидательный потенциал.

Статальность существительного хотя и прототипична, но далеко не повсеместна. В качестве самого простого примера можно вспомнить абстрактные, как правило отглагольные, существительные, которые способны обозначать действие, событие либо процесс, то есть имплицировать либо по крайней мере допускать переход мира от определенного старого состояния к состоянию новому. Есть, однако, и примеры куда более увлекательные, ибо многие конкретные существительные также обнаруживают необычные аспектуальные свойства: называют не референт, чье бытие в общем случае лишено развития, но референт, нормально подразумевающий целую историю. Так, целую историю жизни и смерти подразумевает слово *гроб*; целую историю – слова *кредитор* или *должник*; целую историю – слово *подарок* ‘подаренная вещь или иная ценность’ (интересно, что помимо смены владельца и особых сопровождающих ее обстоятельств, тут может дополнительно иметься в виду и последующий акт *отдаривания*, даже отчасти разрушающий первоначальную интенцию бескорыстного даяния – о чем писал Ж. Деррида в связи с так называемыми парадоксальными объектами; разумеется, самой возможностью подобного финала соответствующая аспектуальная структура осложняется еще серьезнее).

Далее, есть вариант, когда нетривиальная аспектуальность изначально присутствует в значении существительного глубоко имплицитным, вообще-то не позволяющим ее напрямую осознать образом, однако становится наглядной благодаря тому или иному конкретному контексту. Например, если само по себе упоминание о *снеге* лишь глухо намекает на вероятную краткость его существования, то последняя выходит на главный когнитивный план в таких оборотах, как *прошлогодний снег* (общим местом тут стало цитировать знаменитую «Балладу

---

⁹ За важными и многочисленными подробностями отсылаем читателя к прекрасной книге Вильяма Крофта. Там же объясняется компромиссный – между глаголом и существительным – статус прилагательного.

о дамах былых времен» Франсуа Вийона) или *предвесенний снег* (с импликацией: ‘это снег, который вскоре должен растаять’). Разумеется, вообразим и случай, когда контекст даже не проявляет скрытые аспектуальные потенции существительного, но его изначальную тривиальную в оговоренном смысле аспектуальность просто деформирует, как бы навязывая обозначаемому новую и более сложную темпоральную структуру.

Наконец, в аспектуальном плане весьма далеки от тривиальности (местоименные) существительные *никто*, *ничто*, *некого*, *нечего*. Бытие их референта обладает нулевой длительностью, и в этом они ближе не к обычным конкретным существительным, а к моментальным глаголам.

* * *

Из всего сказанного видно, что темпоральная структура текста либо фрагмента в тексте все-таки может формироваться при совместном влиянии глаголов и обладающих нетривиальной аспектуальностью существительных, а в таком случае структура эта будет как бы удваиваться, являя сразу и канонический (связанный с глаголами), и особый, неожиданный («субстантивный») свой источник.

Ниже мы хотим привести двенадцать примеров, подтверждающих, что в целом ряде выдающихся лирических текстов подобная редупликация действительно происходит, причем ответственные за нее сплошь и рядом не отглагольные, как бы копирующие семантику глагола и потому малоинтересные в данном контексте существительные, но существительные, от которых ожидать этого гораздо труднее: в основном конкретные и вещественные.

Более того, обсуждаемое «удвоение времени» совершается, судя по всему, далеко не случайным образом, а, как правило, в наиболее важном, содержательно главенствующем фрагменте текста.

Говоря о содержательном главенстве, мы имеем в виду давно отмечавшуюся двусоставность типичного лирического произведения: оно разделяется на эмпирические части, где описан определенный проживаемый лирическим я опыт, и «фокусную» часть, в которой опыт трансцендируется и лирический герой открывает некую глубокую истину и/или глубоко изменяются его взаимоотношения с миром либо самим собой – и которая, конечно, становится в стихотворении первым, важнейшим дискурсивным планом¹⁰.

Иными словами, есть причины думать, что редуплицированная в названном смысле темпоральная структура сообщаемого способна становиться маркером лирического фокуса и занимать свое место в обширном репертуаре его характерных примет¹¹.

¹⁰ См.: Т.И. Сильман, *Заметки о лирике*, Ленинград 1977.

¹¹ См.: Г.М. Зельдович, *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*, Warszawa 2021; Г.М. Зельдович, *О движущих силах лирического дискурса*, “Slavia Orientalis” 2021, № 1, с. 119-137; Г.М. Зельдович, *Девияция как композиционная стратегия лирического текста: Заметки о поэзии Георгия Иванова*, “Wiener Slawistischer Almanach” 2022, Band 88, S. 285-

Во избежание недоразумений подчеркнем, что наш анализ является лингвистическим и ориентирован на прямое либо близкое к прямому значение сказанного. Откровенно расширительные интерпретации, при которых, например, фраза *Ей ничего не снится* обрела бы метафорический смысл и понималась бы в духе ‘ей не снится ничего существенного (но что-то малопримечательное все-таки снится)’, в духе ‘ей снится пустота (как нечто осязаемое, наделенное собственными положительными свойствами)’ и т. п., а фраза *Я ничего не вижу* в духе ‘я вижу пустоту (вновь – как нечто обладающее положительными признаками)’, – такие интерпретации имеют безусловное право на существование и могут внести немало интересного в анализ, но их место на совсем ином, уже едва ли строго лингвистическом уровне последнего, а потому их разработка здесь не предпринимается. Там, где речь идет о причинно-следственных отношениях и в соответствующем тексте прямо называется каузатор тех или иных событий, мы сосредоточиваем внимание именно на нем, не строя гипотезы о каузаторах более отдаленных. По той же причине к разборам не привлекаются соображения интертекстуального характера и биографические сведения (допустим, связанные с расколотостью личного времени у поэта-эмигранта).

2. Материал. Анализ 12 стихотворений

2.1. Пример 1

Кажется, среди разных способов маркировать главный план стихотворения через нетривиальные аспектуальные свойства существительных самым простым является тот, который связан с использованием отрицательных слов *никто*, *ничто*, *некого*, *нечего*, чей референт, повторим, обладает совершенно необычным для субстантивов нулевым сроком существования. Например, именно таким словом отмечена заключительная и одновременно, по интуитивному ощущению, наиболее весомая строка в стихотворении Георгия В. Иванова:

Закат в полнеба занесен,
Уходит в пурпур и виссон
Лазурно-кружевная Ницца...

...Леноре снится страшный сон –
Леноре ничего не снится.

-315; Г.М. Зельдович, *Лирический текст и коммуникативная структура предложения: Стихотворение О.Э. Мандельштама «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы»*, “Slavia Orientalis” 2024, № 1, с. 163-179; Г.М. Зельдович, *Лирический текст и коммуникативная структура предложения: О ее композиционно-организующей роли в трех стихотворениях О.Э. Мандельштама*, “Wiener Slawistischer Almanach” 2024, Band 92, S. 107-153.

2.2. Пример 2

Аналогичным образом дело обстоит и в следующем тексте того же поэта, где начинающая фокус седьмая строка, *...Никому ни о чем не расскажем*, также отправляет к двум несуществующим референтам:

Потеряв даже в прошлое веру,
Став ни это, мой друг, и ни то, –
Уплываем теперь на Цитеру
В синеватом сияньи Ватто...

Грусть любит лунным пейзажем,
Смерть, как парус, шумит за кормой...
...Никому ни о чем не расскажем,
Никогда не вернемся домой.

2.3. Пример 3

Похожую в данном плане композицию имеет также стихотворение Фернандо Пессоа (перевод с португальского наш – Г. З.; у оригинала, “Ah, só eu sei...”, интересующие нас особенности точно такие же):

Наедине, наедине
С моей тревогой неминучей,
Где нет на дне
Ни просветлений, ни созвучий...

Я в ней исчезну,
Но эту боль не передам;
Она как бездна: видишь бездну –
И ничего не видишь там¹².

2.4. Пример 4

Этот же прием может реализоваться не только с помощью отрицательных местоименных существительных, но и там, где сообщается о небытии референта, названного существительным лексическим, – как, например, референта **подъемный мост** в заключительной и определенно фокусной строфе мандельштамовского «Ламарка»:

Был старик, застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.

---

¹² Здесь и ниже тексты Ф. Пессоа приводятся по изданию: Ф. Пессоа, *Элегия тени*. Перевод Г.М. Зельдовича, Москва 2015.

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...¹³

2.5. Пример 5

Как выше упоминалось, есть существительные, при употреблении которых наперед предполагается, что бытию их референта во времени установлена некая граница, но мысль о ней глубоко имплицитна, вплоть до полной неуловимости. Однако в ряде случаев соответствующий аспектуальный компонент может детривиализироваться благодаря подчеркивающему его контексту. Так, например, дело обстоит в уже нам знакомом стихотворении Г.В. Иванова, где финальные

---

¹³ Здесь и ниже тексты Осипа Э. Мандельштама приводятся по изданию: О.Э. Мандельштам, *Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Том 1. Стихотворения*, Москва 2009.

и фокусные строки почти напрямую говорят о смертности и близкой смерти лирического я:

Голубая речка,
Зябкая волна, –
Времени утечка
Явственно слышна.

Голубая речка
Предлагает мне
Теплое местечко
На холодном дне.

2.6. Пример 6

Едва ли случайно и то, что если в следующем стихотворении Г.В. Иванова особо, с помощью прилагательного *предвесеннем*, указывается на близкое таяние снега, то происходит это именно в финале и фокусе:

Белая лошадь бредет без упряжки.
Белая лошадь, куда ты бредешь?
Солнце сияет. Платки и рубашки
Треплет в саду предвесенняя дрожь.

Я, что когда-то с Россией простился
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Хоть поскучать бы... Но я не скучаю.
Жизнь потерял, а покой берегу.
Письма от мертвых друзей получаю
И, прочитав, с облегчением жгу
На голубом предвесеннем снегу.

Что же касается оборота *предвесенняя дрожь* в четвертой строке, то существительное *дрожь* безусловно указывает на состояние, которое также должно вскоре закончиться, однако существительное это – отглагольное, и для него подобная функция в объясненном выше смысле тривиальна; поэтому его появление вне фокуса едва ли противоречит нашим рассуждениям.

2.7. Пример 7

Аналогичным образом, именно в финале и фокусе следующего мандельштамовского стихотворения прямо указывается на приближающуюся гибель *древесной вершины*:

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг,
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Все чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,
Как ты прежде шелестила,
Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

2.8. Пример 8

Несколько усложненный вариант этого же приема находим и еще в одном мандельштамовском тексте:

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждении и в силе —
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле...

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу,
Дичок, медвежонок, Миньона,
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

Здесь в финале и фокусе речь о гибели, уничтожении мельничных колес и почтарского рожка не идет напрямую, но описывается утрата ими чего-то столь существенного, столь определяющего привычный модус их бытия, что это можно воспринять как той же гибели прозрачную метафору.

Замечание. Аспектуальность существительного *женщина* в первой строке тоже детривиализирована прямым указанием на смерть. Это не должно особенно удивлять, ибо открывающий лирическое произведение фрагмент не так уж редко обладает особенностями, вообще-то характерными для фокуса. С одной стороны, фокус практически никогда не занимает инициальную позицию и потому опасность ложных восприятий тут минимальна; с другой же, фокус, как правило, приходится на конец текста, так что благодаря данному приему последний двусторонне отграничивается от своего речевого окружения, и это становится своеобразным противовесом действующим в поэзии мощным интертекстуальным тенденциям¹⁴.

2.9. Пример 9

Далее, не понятая, а особенно не понятая самим автором речь в определенном смысле сразу же теряет предписанную ей полноту бытия, в определенном смысле умирает. Можно думать, именно поэтому в следующем стихотворении Г.В. Иванова о такой утрате говорят содержательно самые главные строки:

Что-то сбудется, что-то не сбудется.
Перемелется все, позабудется...

Но останется эта вот, рыжая,
У заборной калитки трава.

...Если плещется где-то Нева,
Если к ней долетают слова –
Это вам говорю из Парижа я
То, что сам понимаю едва.

---

¹⁴ Ряд примеров см. в: Г.М. Зельдович, *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии: Опыт жанровой грамматики*, Warszawa 2021.

2.10. Пример 10

С изложенных позиций хорошо объяснимо, почему в фокусных фрагментах лирического текста весьма частотны глаголы, обозначающие возникновение, со-зидание, разрушение либо иную радикальную перемену в присущем данному референту модусе бытия. Подобная семантика глагола обеспечивает безупречную гармонию между его собственным аспектуальным профилем и аспектуальным профилем соответствующего имени. Иногда в таких случаях существительное даже заменяется субстантивированным причастием. Например, у Бориса Л. Пастернака в финале-фокусе «Дурных дней» глагол **вставал** указывает на вос-стание из мертвых – и о том же говорит субстантив **воскрешенный**:

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за Ним.

А дни все грозней и суровей.
Любовью не тронуть сердец.
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец.

Свинцовую тяжестью всю
Легли на дворы небеса.
Искали улик фарисеи,
Юля перед ним, как лиса.

И темными силами храма
Он отдан подонкам на суд,
И с пылкостью тою же самой,
Как славили прежде, клянут.

Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.

И полз шепоток по соседству
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет, и детство
Уже вспоминались, как сон.

Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.

И брачное пиршество в Кане,
И чуду дивящийся стол,
И море, которым в тумане
Он к лодке, как посуху, шел.

И сборище бедных в лачуге,
И спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскресенный вставал¹⁵.

2.11. Пример 11

Имплицитно или потенциально свойственные существительному аспектуальные особенности могут дополнительно актуализироваться, а тем самым и детри-виализироваться также за счет более широкого и труднее идентифицируемого контекста.¹⁶ Таковым, в частности, способен стать проявляемый или, наоборот, не проявляемый к данному объекту интерес наблюдателя.

Например, *пеплу* свойствен, вообще говоря, неограниченный срок существования. Если, однако, речь идет о пепле, образовавшемся при сожжении каких-то предметов, то чаще всего он воспринимается как нечто малоценное, его без проволоочки развеивают, смывают и т. п. – и вскоре о нем не помнят, то есть здесь время его «актуального бытия», бытия на правах *важного* для кого-то объекта оказывается предельно кратким. Очевидно, непременным условием для этого является присутствие очень заинтересованного наблюдателя, а оно представляет собой скорее факультативный и оттого очень весомый элемент контекста.

---

¹⁵ Текст дается по изданию: Б.Л. Пастернак, *Стихотворения Юрия Живаго*, Москва – Augsburg 2001.

Полезно понимать, что иногда в стихах вообще-то не связанный с идеей возникновения глагол тоже может переосмысляться в интересующем нас духе. Скажем, глаголы *вспыхнуть* или *заблестеть*, как правило, обозначают лишь переход субъекта в новое состояние, причем само бытие этого субъекта от данного состояния не зависит; однако у Федора И. Тютчева в финале стихотворения «Чародейкою Зимою...» они указывают скорее всего на то, что *ослепительная краса* через свои вспышки и блеск как раз и *возникает*, а без них просто бы не существовала (цитируется по: Ф.И. Тютчев, *Полное собрание сочинений и письма в шести томах*. Т. 2. *Стихотворения*, Москва 2002):

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой –
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

¹⁶ Исходим из того максимально широкого представления о контексте, какое уже принято едва ли не во всех областях языкознания, наиболее же примечательным образом – в теории релевантности; см.: D. Sperber, D. Wilson, *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd edition, Oxford 1995; R. Carston, *Thoughts and Utterances*, Oxford 2002.

Иными словами, в рассмотренном случае существительное *пепел* приобрело бы аспектуальные особенности, которые, вообще говоря, ему едва ли свойственны и которые здесь обуславливались бы дополнительными обстоятельствами коммуникации.

Это как раз и совершается в следующем стихотворении Г.В. Иванова, причем совершается снова там, где текст приходит к своему содержательному итогу:

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья¹⁷.

2.12. Пример 12

Еще один, во многом парадоксальный прием, позволяющий детривиализировать аспектуальные свойства существительного, – это разрушение его принципиально ожидаемой или даже как будто бы необходимой референциальной привязки к другому имени. Среди прочего, такое разрушение очень заметно, если они соотносятся как названия неотчуждаемого обладаемого и обладателя. Например, согласно общепринятым представлениям о мире, чье-то тело существует по крайней мере так же долго, как обладатель, а сообщение, что он возник раньше тела, звучит либо абсурдно, либо заставляет искать для себя тропеическую интерпретацию, при которой данная идея, ввиду своей крайней необычности, не может не выдвигаться на очень заметный когнитивный план – и от этого слово *тело* приобретает весьма странную аспектуальность, в чем-то роднящую его с событийным глаголом.

Все только что описанное совершается в следующем стихотворении Ф. Песоа, где в финале и фокусе ветру, с одной стороны, приписано обладание телом, с другой же – он выступает как своего тела еще и создатель (перевод с португальского наш – Г. З.; интересуемся именно русским текстом¹⁸):

Я сам – глубокая пучина,
Где тусклый путеводный свет –

¹⁷ Единственная требуемая здесь оговорка такова, что изначально абстрактная по семантике *жизнь* метафорически переосмысливается в нечто материальное, но подобная тропеизация для поэзии вполне законна.

¹⁸ Что касается португальского оригинала, “Tudo que sou não é mais do que abismo”, то он требует более подробного анализа, поскольку в русском переводе авторская мысль была во многом развернута и досказана.

Прозрение, что есть причина
Тому, чему причины нет.

Я так же разумом несмелым
Из небыли вырастаю в быть,
Как ветру делается телом
От ветра взбившаяся пыль.

3. Заключение

Итак, характерной особенностью рассмотренных стихотворений является то, что в их фокусе время своеобразно и выразительно «удваивается». С одной стороны, к его структурированию привлекаются глаголы; это настолько очевидно, что в ходе анализа мы воздержались от соответствующих комментариев. С другой стороны, нетривиально структурируют время также существительные, притом существительные, для которых прототипично как раз весьма примитивное аспектуальное устройство: существительные и не отглагольные, и не связанные с темпоральностью по своей основной семантике (даже **жизнь** в стихотворении Г.В. Иванова «*Друг друга отражают зеркала...*» – это человеческое бытие, взятое главным образом в своем **внутреннем содержании**, а не в связи с положенным ему временным пределом). Иначе говоря, темпоральная структура здесь формируется сразу двумя путями, так сказать, законным, общеязыковым – и от общеязыкового канона отклоняющимся: путями, настолько различными, что по сути нужно говорить о своеобразной редупликации времени.

Безусловно, это удвоение отчасти иной природы, нежели удвоение, типичное для драм и нарративов (см. выше п. 1), но так же безусловно оно последнему очень сродни, по крайней мере в том, что отмеченные им фрагменты текста больше прочих заставляют воспринять присущий времени бытийный горизонт как **вечность**.

Насколько же основополагающ для лирики поиск именно такого восприятия, подтверждается тем, как последовательно он достигает успеха именно в фокусе, во фрагменте, где стихотворение приходит к своему главному содержательному итогу.

Этот вывод может иметь и более широкие теоретические импликации, поскольку он существенно обогащает наши общие представления о роли параллелизмов в лирическом тексте. Согласно Роману О. Якобсону, отличительной чертой последнего является их многочисленность и, что, вероятно, еще важнее, наша изначальная установка на их обнаружение всюду, где это только допустимо¹⁹.

¹⁹ См.: Р.О. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 193-230; Р.О. Якобсон, *Грамматический параллелизм и его русские аспекты*, [в:] *Структурализм: «за» и «против»*, Москва 1975, с. 99-132. Также см. важную работу: L. Waugh, *The poetic function in the theory of Roman Jakobson*, "Poetics Today" Autumn 1980, vol. 2, № 1a, p. 57-82.

Здесь, однако, таится угроза их тривиальности и, в том или ином смысле, девальвации. Продемонстрированный выше параллелизм между, так сказать, «глагольным временем» и «номинативным временем» не только нигде, насколько мы осведомлены, не отмечался, но по объясненным выше причинам весьма экзотичен, весьма маркирован, то есть нетривиален. Похоже на правду, что, решая особенно важные композиционные задачи, лирический текст часто прибегает не к обычным и легкозаметным аналогическим фигурам, а к фигурам странным, с точки зрения общезыкового канона, и сплошь и рядом достаточно имплицитным. Проанализированный же выше материал не только позволяет лучше разработать типологию таких фигур, но и убеждает в том, сколь интересным могло бы стать их дальнейшее изучение.

References

- Avgustin A., *Ispoved'*, Moskva 1991.
- Carston R., *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*, Oxford 2002.
- Chevtayev A.A., *Struktura liricheskoy sobytiynosti: "Tristia" O. Mandel'shtama*, «Novyy filologicheskiiy vestnik» 2013, № 1.
- Croft W., *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*, Chicago 1991.
- Fleischman S., *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*, Austin 1990.
- Gurevich A.Ya., *Kategorii srednevekovoy kul'tury*, Moskva 1972.
- Hopper P., *Aspect and foregrounding in discourse*, [in:] *Discourse and Syntax. Syntax and Semantics*, ed. by T. Givón, vol. 12, New York, etc. 1979.
- Hopper P., Thompson S., *Transitivity in grammar and discourse*, "Language" 1980, vol. 56, № 2.
- Ivanov G.V., *Sobraniye sochineniy v trekh tomakh*. T. 1. *Stikhotvoreniya*, Moskva 1994.
- Jaszczolt K.M., *Representing Time: An Essay on Temporality as Modality*, Oxford 2009.
- Longacre R.E., *The Grammar of Discourse*, New York, London 1996.
- Mandel'shtam O.E., *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v trekh tomakh*. T. 1. *Stikhotvoreniya*, Moskva 2009.
- Pasternak B.L., *Stikhotvoreniya Yuriya Zhivago*, Moskva – Augsburg 2001.
- Pessoa F., *Elegiya teni*, Moskva 2015.
- Ricoeur P., *Vremya i rasskaz*. T. 1, Moskva 1998.
- Sil'man T.I., *Zametki o lirike*, Leningrad 1977.
- Sperber D., Wilson D., *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd edition, Oxford 1995.
- Tiutchev F.I., *Polnoye sobraniye sochineniy i pis'ma v shesti tomakh*. T. 2. *Stikhotvoreniya*, Moskva 2002.
- Waugh L., *The poetic function in the theory of Roman Jakobson*, "Poetics Today" Autumn 1980, Vol. 2, № 1a.
- Yakobson R.O., *Lingvistika i poetika*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva 1975.
- Yakobson R.O., *Grammaticheskiiy parallelizm i ego russkiye aspekty*, [v:] *Strukturalizm: «za» i «protiv»*, Moskva 1975.

- Yakovleva E.S., *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)*, Moskva 1994.
- Zel'dovich G.M., *Diskursivnaya perspektiva v liricheskoy poezii: Opyt zhanrovoy grammatiki*, Warszawa 2021.
- Zel'dovich G.M., *O dvizhushchikh silakh liricheskogo diskursa*, "Slavia Orientalis" 2021, № 1.
- Zel'dovich G.M., *Deviaciya kak kompozicionnaya strategiya liricheskogo teksta: Zametki o poezii Georgiya Ivanova*, "Wiener Slawistischer Almanach" 2022, Band 88.
- Zel'dovich G.M., *Liricheskij tekst i kommunikativnaya struktura predlozheniya: Stikhotvoreniye O.E. Mandel'shtama "Sestry – tyazhest' i nezhnost', odinakovy vashi primety"*, "Slavia Orientalis" 2024, № 1.
- Zel'dovich G.M., *Liricheskij tekst i kommunikativnaya struktura predlozheniya: O eye kompozicionno-organizuyushchey roli v trekh stikhotvoreniyakh O.E. Mandel'shtama*, "Wiener Slawistischer Almanach" 2024, Band 92.

INFORMACJA O AUTORZE

Gennadij Zeldowicz – profesor, doktor habilitowany, profesor Uniwersytetu Warszawskiego, kierownik Zakładu Semiotyki Instytutu Lingwistyki Stosowanej (Wydział Lingwistyki Stosowanej). **Najważniejsze publikacje: monografie:** *Русские временные квантификаторы*, Wien 1998 (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 46); *Русский вид: семантика и прагматика*, Toruń 2002; *Русское предикативное имя*, Toruń 2005; *Прагматика грамматики*, Москва 2012; *Дискурсивная перспектива в лирической поэзии*, Warszawa: Wydawnictwa UW 2021.

ORCID: 0000-0003-4437-2802

Email: g.zeldovych@uw.edu.pl